

В 1971 году известнейший драматург нашего столетия Эжен Ионеско попал в пантеон «бессмертных» — его избрали членом Французской академии. «Значение этого института заключается в его полной бессмысленности, — говорит он. — Главная привилегия академиков — сидеть в гостях за столом на самом почетном месте, справа от хозяйки»...

— Давайте будем говорить о чем угодно, только не о моем возрасте, — с легким раздражением сказал мне перед этим по телефону Эжен Ионеско, которого я с запозданием поздравил с 80-летием. — Если хотите, приходите прямо сегодня после обеда.

И вот я пью чай с великим мастером театра абсурда в его квартире в почерневшем от копоти доме на бульваре Монпарнас и внимаю его блистательным и парадоксальным рассуждениям — «я циничен, но не зол» — об вечных проблемах нашей жизни, о Боге, о смысле и бессмысленности бытия, о судьбах России и, конечно, о театре. Порой он себе противоречит и, когда я осторожно обращаю на это его внимание, охотно соглашается.

Сам я стараюсь поменьше задавать вопросов и больше слушать, памятуя о неслетном мнении драматурга о журналистах и об интервью.

— Стоит кому-то написать сонет, водевиль, песню, роман, трагедию, — жаловался он, — корреспонденты набрасываются на него, чтобы узнать, что же автор песни или трагедии думает о социализме, капитализме, добре, зле, математике, астрономике, теории квантовой механики, любви, футболе, кухне, главе государства...

«Какова ваша концепция жизни и смерти?» — однажды спросил Ионеско южноамериканский газетчик, едва он ступил на землю с трапа судна с чемоданами в руках. Он поставил чемоданы, вытер со лба пот и попросил разрешения подумать над вопросом лет 20, не обещая найти ответ.

Автор более 30 пьес и единственного романа — «Отшельник», Ионеско — самый популярный в мире из современных драматургов. Повергнув все рекорды, 35 лет подряд на сцене парижского театра «Юшет» идут две его пьесы — «Лысая певица» и «Урок». Совсем недавно во французской столице шел ионесковский «Макбет», который, равно как и его «Стулья», «Король умирает», «Носороги», стал классикой. А в Москве, в день 80-летия Ионеско, «Король умирает» сыграли русские актеры по-французски.

ЭЖЕН ИОНЕСКО родился в румынском городе Слатине в 1912 году. Мать была французской, а отец — румыном. В 1913 году его семья переехала в Париж. В 1925-м Эжен вернулся в Румынию, где жил до 1938 года, а потом снова уехал во Францию. Несколько лет жил в Марселе и читал своих любимых писателей — Флобера, Достоевского, Пруста, Кафку, работал корректором в издательстве.

Приступил к сочинительству в 11 лет, взявшись сразу за мемуары. В 12 стал писать стихи, а в 13 сочинил первую пьесу. Первый успех принесла ему написанная в 1950 году пьеса «Лысая певица».

— Театр абсурда, с которым связаны в первую очередь имена Беккета, Жене, Олби, — говорит мне Ионеско, — это возрождение трагического театра, истоки которого уходят к Эсхилу, Софоклу. Наш прародитель Шекспир, быть может, был его родоначальником. Он писал в «Макбете», что мир — это безумная история, лишенная смысла и значения.

В своих пьесах Ионеско, по его словам, только ставит вопросы — именно в этом он видит предназначение писателя, но не пытается дать на них ответы. Писатель для него — ни мудрец, ни святой, ни пророк, ни врачеватель, ни «колокол на башне вечевой».

— Я не перестаю поражаться всему тому, что нас окружает, — говорит мне Ионеско. — Мне кажется, что люди существуют в бессмысленном мире. Как мы сюда попали? Почему на Земле больше зла, чем добра? Вот на этот вопрос, который я задаю себе всю жизнь, я так и не смог найти ответа.

Всю жизнь Ионеско опасался торжества зла, превращения человека, подобно тому, как герой «Метаморфозы» Кафки становится пауком, в монстра, который есть, по его мнению, в каждом из нас. Опасался дегуманизации личности и примата толпы. Мир, словно гигантская машина, может «разрегуливаться», стать неуправляемым. Поднимаясь на бунт или революцию, люди во имя каких-то «высших» целей оказываются готовыми на коллективные убийства, согласны на воцарение тирании, тоталитаризма.

В XX столетии, считает драматург, изобразительное искусство, музыка, литература искали новое, ставили смелые эксперименты. И только театр долгое время не хотел расставаться с «условным реализмом», пока не возник театр абсурда, который пошел против традиционных вкусов публики, бросил им вызов.

Главным действующим лицом его первых пьес, признает автор, был прежде всего язык героев — абсурдный и

бессмысленный, банальный. «Трагедия языка» для людей в том, полагал писатель, что он их не сближает, а разъединяет, не являясь средством общения. Люди говорят, чтобы ничего не сказать.

«Стулья» — одна из наиболее популярных пьес Ионеско. Это история двух стариков, которые живут на маяке на пустынном острове. Чтобы как-то развеять скуку своего существования, они организуют у себя «прием». К ним, естественно, никто не приходит. Но старики ведут себя так, словно к ним являются гости, все новые и новые люди, и они приносят для них все больше и больше стульев. В конце

коммунистом», который в своих статьях, публиковавшихся главным образом в газете «Фигаро», беспощадно писал о нашем режиме.

Драматург называл коммунизм «самой большой неудачей» в истории человечества. Честь России, писал он в 1973 году, олицетворяют такие люди, как Солженицын, Сахаров, Буковский, Синявский, Кузнецов, Горбаневская. «Сейчас в этой стране у власти стоят безумцы. Я жду того момента, когда Сахаров и Солженицын станут в своей стране министрами в «министерстве» свободы и духа, а те, кто находится в лагерях, — его служащими...»

— Левые тогда называли меня «негодяем», «фашистом», в лучшем случае «реакционе-

1917 году впломбированном вагоне, который шел из Германии в Россию, был не Ленин, а три-четыре ужасных американских капиталиста. Тогда Россия была бы спасена. Сколько бы они выстроили, какие рудники и залежи полезных ископаемых смогли бы использовать в Сибири и на Урале! Какой бы они создали огромный рынок! Какое было бы изобилие товаров — автомобилей и холодильников! Хватило бы всем — и русским, и украинцам. Вместо этого Советской России удалось изменить человека, совершить его мутацию, создать «гомо советикус» — буржуазного конформиста нового типа, тиражированного миллионными экземплярами. Семь с лишним десятилетий происходила обратная селекция — побеждал не сильнейший и лучший, а самый посредственный.

Ионеско поражала беззащитная ложь, которую ему приходилось выслушивать от советских функционеров всех рангов. Он вспоминает, как хрущевский министр культуры Фурцева вала ему, утверждая, что ей ничего неизвестно ни о Солженицыне, ни о Сахарове, ни о Синявском, ни о существовании концлагерей и психушек. Да и вообще что за абсурд — любое министерство культуры! Его надо заменить министерством мебели, которое будет выдавать чернила и бумагу писателям, холсты и кисти — художникам, пленку — режиссерам.

ОДНУ из причин многих несчастий людей Ионеско видит в коллективизме. Людям нужно одиночество. Мы страдаем от его отсутствия. Человек несчастен потому, что никогда не бывает одиноким. Самое драматическое из всех — это одиночество толпы, постоянная близость другого, чувство локтя. Толпа не имеет лица, это чудовище. Индивидуализм — спасение и защита от тоталитаризма.

— Я всегда был человеком одиноким, окруженным лишь несколькими людьми, которых люблю, — говорит Ионеско. — Я боялся народных масс и всего того, что считаю вульгарным. Самое главное для меня — театр, моя жена, с которой мы вместе живем уже 55 лет, и дочь. Больше всего я ненавижу в мире зло, а потом, наверное, буржуазный конформизм.

Наша жизнь, как и мой театр, абсурдна, смешна, ничтожна и печальна. — продолжает драматург. — То, что мы с вами сидим, беседуем о разных вещах, мне кажется каким-то непонятным чудом... Самое важное в жизни — Бог. Искусство не имеет никакой цели, но человек неверующий может заменить веру искусством.

Без Бога жить нельзя... Разве вы никогда не думаете о смерти? Разве она не страшит вас? Единственное спасение от нее — Бог. Но если он существует, почему же тогда в мире происходит столько преступлений? В той же Югославии сегодня. Поэтому я верю в него не полностью, а лишь наполовину. Трудно порой верить, когда видишь вокруг столько зла. И вместе с тем не верить нельзя. Что же касается религии, то она дает слишком простые ответы на самые мучительные вопросы. Разумеется, надо возлюбить ближнего. Но в отличие от святой Терезы, которая хотела отправиться в ад, чтобы спасти заблудшие души, я к этому не готов. Да и тому же боюсь жары...

Потрясения, которые произошли в последнее время в России, внушали мне большие надежды. Сейчас они поуменились, и я немного разочарован тем, как складываются у вас события. Но в конце концов на пути свободы Россию ждет выход. Ее ждет Бог, и она станет христианской страной. Тем временем, быть может, Чернобыль стал предтечей грядущего конца человечества, которому грозят экологическое отравление, кислотные дожди, озоновая дыра, ядерное оружие, другие опасности...

Литература во всем мире сегодня отстает от жизни... Кажется, перед нами открывается новый мир, но мы не в состоянии предвидеть, какие формы в будущем примут поэзия, искусство. Пока же наши творческие возможности и воображение слишком слабы, чтобы передать одновременно и мерзости жизни, и само чудо нашего существования. Сам я сделал все, что мог...

Увы, мы живем не в литературную, а в политическую эпоху. Весь мир болен политикой, тогда как мир вещей куда более важные. Для меня политики — это умные кретины. Общество больше политики, а власть, как известно, коррумпирует. Чем больше власти, тем больше она развращает. Конечно, демократия — это наименьшее из всех зол, но истиной владеет не большинство, а узкий круг, элита.

— Может быть, мы найдем выход, поставив у власти не политиков, а интеллектуальную элиту? — спрашиваю я.

— Да вы украли мою идею! — говорит с улыбкой Ионеско. — Необходимо, чтобы власть имели люди, которые ее не любят, но, как только они почувствуют к ней вкус, их надо тут же прогонять.

— Кто же мог бы стать, на ваш взгляд, главой идеального правительства, которое вершило бы судьбы человечества? Аристотель, Данте, Шекспир, Гете, Толстой?

— Чехов...

ПАРИЖ.

Эжен ИОНЕСКО:

ЧЕЛОВЕК СТРАДАЕТ ОТ ОТСУТСТВИЯ ОДИНОЧЕСТВА

Классик театра абсурда — об абсурде жизни

концов стулья заполняют всю сцену и становятся причиной гибели героев пьесы.

Его, пожалуй, самый известный шедевр — пьеса «Носороги» — рассказ о превращении людей в тупых, опасных и коварных животных. Это метафора тоталитаризма в любых его ипостасях, история коллективной «идеологической» эпидемии, история людей, имеющих твердые «убеждения». Почему он выбрал именно носорогов? Драматург искал образ животного, устрашающего и упрямого, которое все сметает на своем пути. И однажды, листая энциклопедию, он наткнулся на рисунок носорога. Выбор, по его собственным словам, не совсем удачный. Для его замысла подошли бы больше бараны, но они слишком «мягкотелые» животные. В сущности, мои носороги, говорит Ионеско, — это спятившие бараны. Они могут быть правыми, левыми или центристами, фашистами и коммунистами, либералами и консерваторами, буржуа и конформистами. Они существуют при всех режимах.

После лестной рецензии на «Носорогов» Эльзы Триоле (жены Луи Арагона) пьесу собирались даже ставить в 60-е годы в Советском Союзе. Пьесу перевели на русский, но Ионеско попросили внести в текст кое-какие исправления, чтобы у нашего зрителя — упаси Бог! — не возникло никаких ненужных ассоциаций с обществом, в котором ему суждено жить. Писатель отказался, и спектакль в те годы так и не был у нас поставлен.

ЕДВА ли кто-нибудь из западных писателей посвятил в 60—70-е годы Советскому Союзу столько обвинительных статей, сколько Ионеско. Среди французской интеллектуальной элиты он был, несомненно, главным «антисоветчиком» и «анти-

ром», — говорит писатель. — Да, я реакционер, потому что всегда нахожусь в оппозиции к всепобеждающей идеологии. Ослепленные парижские интеллектуалы, принимавшие идеологию за реальность, долгие годы поддерживали советский режим. Но коммунизму имманентно зло, оно в нем самом. Этот режим нельзя улучшить хотя бы потому, что в нем нет места Богу.

Преступление французской интеллигенции, продолжает Ионеско, заключалось в том, что она в течение десятилетий оправдывала этот режим, закрывала глаза на репрессии, процессы и концлагеря.

Сам Ионеско никогда не верил в революцию. Он повторял, что революция ведет к тирании, служит только для того, чтобы один режим заменить другим, восстановить репрессии. В 1968 году писатель шокировал «прогрессивную» общественность Запада, назвав знаменитого кубинского революционера Че Гевару «убийцей». В середине 1970-х годов Ионеско призвал возобновить сосуществование «мирным» сосуществованием» идеологическую войну с советской империей, которая провоцирует революции в Азии и Африке и стремится захватить всю планету. В пред рождественские дни 1977 года Ионеско напечатал в «Фигаро» статью «Я обвиняю!» Тогда, в то время как многие российские писатели либо находились в тюрьме, либо были изгнаны из страны, французское общество литераторов организовало в Париже прием в честь официальной коргорты «совписателей», устраивало визиты в страну, которая изобрела ГУЛАГ.

Порой меня посещали утопические мечты и снились странные сны, рассказывал Ионеско. Иногда мне снилось, что в